

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей Еслер

МЕНТАЛИСТ ЭМАНСИПАЦИЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Е84

Серия «Современный фантастический боевик»
Выпуск 218

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Е84 **Еслер, Андрей**
Менталист. Эмансипация: роман / Андрей Еслер. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленин-
град», 2021. — 352 с. — (Современный фантастиче-
ский боевик).

ISBN 978-5-17-138339-8

Единственный наследник великого рода проходит магиче-
скую инициацию, получая слабый дар. Пройти испытание, под-
тверждающее титул, нет ни единого шанса, жить остаётся меньше
года... Но однажды заснув, отчаявшийся наследник оказывается
в параллельном мире будущего. Твари из Врат здесь ходят под
открытым небом, сила их чудовищна, облик ужасен, а остатки
людей прячутся по норам, как дикие звери.

Каждую ночь, засыпая под одним небом, Фёдор просыпается
под другим, переживая битвы, подобные которым и не снились
ветеранам Врат.

Порою кажется, что-то меняется в том слабом теле, которое
служит парню вот уже 17 лет...

Или не кажется?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138339-8

© Андрей Еслер, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Освещённый неоновыми лампами коридор, ведущий из ночного клуба, свернулся в точку, прямо на глазах превращаясь в калейдоскоп. Я глупо хихикнул, поворачивая голову из стороны в сторону на манер любопытного голубя. Завихрение тоннеля обернулось движением красок.

Может, стоит активировать дремлющий дар?

Но мне так хотелось веселья, что леденящие мысли о том, что я мгновенно стану абсолютно трезвым, были уверенно задавлены на стадии возникновения.

Немного отрезвил свежий воздух на автомобильной парковке. Свет фонарей угасал, а небо стало багроветь в утреннем смущении. Выходящие из клуба гуляки что-то выкрикивали, били в грудь кулаками, кто-то просто молча курил, любясь спрятавшимся за горизонтом, но готовым к выходу светилом.

Рядом выросла широкоплечая тень, заставив отшатнуться.

— Саша, у меня однажды остановится сердце! — покачал я головой. — Умру раньше отведённого мне срока, вот старик порадуетя, да?

Впрочем, Александр ничего не ответил, было бы странно ожидать иной реакции.

Папенька нанял лучших телохранителей во всем княжестве. И где только отыскал бывшего участника боевых действий в Прибалтике?! Говорят, там была та ещё мясорубка. Стоит только глянуть на Александра: рожа каменная, эмоций ноль, глаза стеклянные, будто две камеры наблюдения, сканирующие окрестности, — чтобы все понять.

— Ай, бес с тобой, — махнул я рукой. — Подавай карету, моя милость изволит возвращаться домой.

— Машину ко входу VIP. — Александр, казалось, разговаривал сам с собой, но уже через тридцать секунд на парковке величественно развернулся чёрный седан представительского класса, зажатый парой гробоподобных внедорожников.

Знакомые пейзажи нашего района появились незаметно, словно кто-то переключил телевизионный канал, Впрочем, они так же быстро исчезли, мы въехали на территорию поместья. Позади сомкнулись зубастые ворота, по ограде пробежала едва уловимая синяя волна энергии. Защита была включена.

Сень крупных раскидистых деревьев укрыла кавалькаду от поднявшегося солнца, сопровождая до самого дома, до которого осталось чуть меньше километра.

Поместье Фонвизиных было выполнено в германском стиле, мрачное готическое здание возвышалось на добрых полтора десятка метров, ловя солнечные лучи стилизованными под башенки крышами.

Над главным входом висел семейный девиз: «Смерть — ничто, честь — всё».

Створки дверей гостеприимно распахнулись, я вошёл в блистающий средневековой атрибутикой холл.

Тут-то меня и подловили.

— Фёдор Константинович, отец приглашает вас на завтрак. — Ко мне подкралась совершенно незаметно, может, я совершил ошибку, дезактивировав дар?

— Генри, сколько раз я просил не подходить ко мне так тихо? — я нахмурился, смотря на вытянувшегося управляющего. — Все же в курсе, что я не пользуюсь даром, а поэтому не могу увидеть вас заранее.

— И делаете большую ошибку, господин, — сухо ответил Генри.

— Позволь мне решать! Хорошо? — я раздраженно поджал губы. — Ещё не хватало, чтобы меня учил жизни дворецкий.

— Как скажете, Фёдор Константинович.

— Уже сказал. — Хотелось оставить за собой последнее слово, что я и сделал. Генри благо-разумно не стал ничего отвечать. А я почему-то почувствовал себя проигравшим в этом споре.

Отец ждал в малой столовой, к слову, одной из пяти в доме.

Весь интерьер ее был очевидной борьбой моих взглядов с отцовскими. Папенька хотел больше помпы: лепнины, глупых люстр, упади одна из которых на пятом этаже, её нашли бы на первом, лакированной мебели из морёного дуба или кипариса, позолоты, художественнойковки.

Всему этому архаизму противостояли мои нововведения. Позолоченные унитазы имели подогрев, как и полы. Зеркало могло воспроизводить видеоролики с рунета, показывало погоду и делало комплименты. Свет загорался, как только в комнату входил человек или животное. Бассейны имели внутреннюю подсветку, а жалюзи автоматически смыкались, стоило щелкнуть пальцем. Я многое поменял, но фронт работ был воистину велик.

Будь воля отца, он бы мигом вырядил весь персонал поместья в ливреи, заставил кланяться, а сам разъезжал бы в карете, запряжённой тройкой лошадей.

Папа сидел во главе двенадцатиместного стола, возвышаясь настоящей горой.

Седой ёжик волос, аккуратная борода-эспаньолка, широкие покатые плечи, мощные руки и толстые сильные пальцы, униженные перстнями, которые и без магического зора светились, словно гирлянда. Нос с горбинкой, острый подбородок и тонкие поджатые губы, которые тут же

растянулись в несвойственной ему тёплой улыбке, стоило мне войти.

Взгляд посаженных чуть глубже, чем надо, глаз просканировал меня с ног до головы, убеждаясь, что я цел.

— Знаешь, сын, я начинаю понимать нашу бабушку, — густой бархатный голос обволакивал, наполняя звуком всю комнату. — Она говорила, что ей трудно провожать меня на войну. Сказала, что пойму, когда сам воспитаю ребёнка. Теперь я с тревогой провожаю тебя на каждую гулянку.

— Ну прости, что не могу воевать, — я скривился, упав на стул в другом конце стола. — Прости, что подвёл тебя и не могу умереть так, чтобы тебе понравилось.

— Не передергивай! — отец дернул щекой, плохой знак, кажется, я перегнул. — Я позвал тебя не для того, чтобы ругаться. Сегодня вечером к нам придут гости, и я хочу, чтобы ты присутствовал на ужине.

— Кажется, у меня другие планы.

Попытка съехать с темы не увенчалась успехом.

— Это не просьба, — сухо бросил отец, промокая уголки губ салфеткой.

— Надо было с этого начинать.

Я не притронулся к еде, лишь залпом выпил стоящий рядом стакан сока и пошёл спать.

Проснулся только ближе к вечеру, голова ужасно болела, во рту нагадили хомячки, переевшие апельсинов. Еле смог поднять себя с кровати,

чтобы доковылять до совмещенного с моей комнатой санузла, где имелся небольшой бассейн.

Холодная вода мигом выгнала из тела усталость и бессилие, зарядив энергией.

Я оценивающе глянул на своё худощавое тело, а в голову тут же пришёл образ отца, заставив скривиться. Да, генетика меня не пощадила. Длинный и нескладный, словно каланча, я имел россыпь веснушек и багрово-рыжие волосы, будто вымоченные в крови. Наследственность и тут подшутила, оставив чёрные кустистые брови отца.

Может быть, такие черты лица и могли бы выглядеть сносно, но не на тощем парне семнадцати лет.

К ужину я был готов только через полтора часа, оказалось, я уснул, расслабившись в прохладной воде. Стук Генри вырвал меня из дрёмы, напомнив о приказе отца быть за ужином.

Заглянув ко мне, старик-управляющий оглядел помещение. На предмет полуголых девиц, надо полагать. А затем из-за его спины прошмыгнули две пигалицы. Мне споро помогли одеться, уложить волосы, которые растрепались уже через секунду, и я отправился к отцу.

Ужин снова проходил в малой столовой, это, честно сказать, интриговало, обычно там едим только мы с отцом, после смерти матери это территория только для семьи.

За столом меня ожидал сюрприз. По левую руку от отца сидела ослепительно красивая жен-

щина. Одета в блузку и свободные кремовые штаны. С распущенными каштановыми волосами.

Сразу за ней расположились два подростка моих лет, девушка, унаследовавшая красоту матери, и широкоплечий высокий парень с немного женственными чертами красивого, надо сказать, лица.

Отец разговаривал с гостьей, негромко смеясь, отчего тряслась посуда. Парень с уважением поглядывал на него, а вот девушка была единственной, кто заметил меня.

Эта картина мне показалась такой естественной и уютной, что я разозлился.

— Присаживайся, Фёдор, — пророкотал отец. — Рад тебе представить Наталью Алексеевну Радищеву и её прекрасных детей, это Андрей, а это Дарья. Ну а это мой сын Фёдор Фонвизин.

— Рад знакомству, — холодно ответил я. Отец никогда так не распибался перед знатью, тем более какими-то Радищевыми. Кто они вообще? Даже не из первой сотни, раз я их не знаю. — Ты меня звал, отец?

— Да, Федя, сядь, пожалуйста, у меня есть для тебя новости, — отец дернул щекой, а Наталья накрыла ладошкой лежащую на столе лапищу князя. Я обомлел, меня буквально бросило в жар. Нет, я, конечно, понимал, что отец не будет вечно один, но не готов был к такому.

— Кажется, до меня начало доходить, о чем пойдёт речь, — первым начал я. — Собрался предать маму? Предавай один...

— Да как ты смеешь?! — взревел мигом вышедший из себя отец.

— Да! Смею! — Меня было уже не остановить. — Ты мог подождать год! Один год, папа! Мне больше не надо...

— Сын... — голос отца стал тише, он сел, а следом упал в объятия стула и я. — Ты думаешь только о себе, а ведь через год...

— Давайте успокоимся. — Наталья решила вмешаться.

— Через год меня не станет! — Мне было обидно, искренне.

— Что? — глаза Натальи удивлённо расширились.

— Я не хотел впутывать тебя в семейные дела, — тон отца смягчился, он обнял Наталью за плечи.

— Ну уж нет, теперь ты обязан мне все объяснить! — женщина упрямо посмотрела на моего отца. Я молча цедил вино, изучая стену.

— Фёдор не сможет пройти испытание, он не выживет по ту сторону Врат. — Отец промочил горло и налил ещё. — Моему сыну не посчастливилось инициировать великую сущность, у него самые обычные способности, немного призрачного, ментал, эмпатия, телекинез.

— Давай скажи ещё код от нашего сейфа, — съязвил я. Уж очень мне не понравилось, как меня обсуждают при мне же.

— Наталья должна это знать, — отрезал отец.

— Это почему?

— Теперь она часть нашей семьи, — он хмуро посмотрел на меня. — Я сделал Наталье предложение. Именно это я хотел тебе сообщить сегодня.

В который раз за сегодняшний день я покинул стол, так и не проглотив ни крошки. В горле стоял ком, но плакать при отце, а тем более при чужих людях не позволяла гордость.

Солнце садилось на город, когда я забрался на одну из башен поместья. Перемахнув через перила, аккуратно обошёл торчащую постройку и сел на темно-коричневую черепицу. Было неудобно, но мне требовалось полное одиночество.

Я погрузился в себя и увидел звезду своего дара, слабенькую и блеклую, она всегда была со мной. Потянувшись, парой движений разрушил стенки вокруг, давая свечению рассеяться далеко за изначальные пределы.

Каждую неделю после смерти мамы я залезал сюда, чтобы запустить призрачную часть дара. Способность позволяла видеть призрак человека, он приходил на свет.

Мне просто хотелось её увидеть, но она так и не явилась.

Сколько я так просидел? Не могу сказать точно, наверное, пока снова не увидел странное мельтешение чего-то крупного и неповоротливого в астральном плане. Учитель, готовивший меня, говорил, что это демоны, сущности, что живут в тонком мире. Некоторые умели подчинять их, но мне это не светило, слишком слабый

канал, я просто не смогу контролировать монстра.

По обыкновению свернув дар, как только тени начали сгущаться в опасной близости, я вышел в реальный мир, взглянув на практически спрятавшееся солнце.

Не сразу я различил маленькую фигурку Генри во дворе поместья. Он махал, призывая к себе. Даже отсюда видно было, как невозмутимо стоит наш управляющий, встряхивая белым платком.

Будто сигналил садящемуся самолёту с двумя сотнями пассажиров, жизнь которых зависит от точности его взмахов.

Вот же непробиваемый тип.

— Привет, старик, — в холле меня ждал друг, вскочивший при моем появлении. — Заставляешь ждать, истинный князь.

— Тебя не было с нами этой ночью, — обличительно ткнул я его пальцем в грудь. Залуцкий никогда не пропускал гулянья, особенно за чужой счёт. — Оправдания?

— Ну вы чё? Я же говорил, что у меня Испытание! — приятель сделал вид, что обиделся. — Друзья называются.

— Залюби тебя бесы! — я хлопнул себя по лбу. — Если ты тут стоишь, значит, прошёл. Сложно было?

— У первого круга стоял, туда-обратно ходил, больше обычных бесов и не видел. — Приятель с горящими глазами рассказывал про свой поход

внутри Врат. — Вода почти кончилась, а тут тройка бесов, а с ними одержимый! Вот я перетрухал, думал, всё, приплыл наш гордый «Варяг».

— Ну, все хорошо, что хорошо кончается, — перебил я его. Слушать о чужом успехе совершенно не хотелось.

— Но я не рассказал, как выпутался... — начал было Стас, когда я его перебил:

— У нас много дел, пошли навёрстывать! Надо отпраздновать твой поход.

— В «Альтамеду»?! — глаза товарища загорелись не хуже фонариков, и куда только подевалось желание рассказать о тварях Врат. Наверное, будет весь вечер зудеть.

— Да, в «Альтамеду».

— Но у меня нет столько коинов... — хитрован покосился на меня, я лишь вздохнул.

— Угощаю. — И быстро поставил условие: — Но не болтай весь вечер о своём испытании.

— Хорошо, — кисло улыбнулся Залуцкий.

— Тогда поехали.

Надеяться на то, что Стас не будет весь вечер рассказывать о своём испытании, было глупо.

Мы приехали в «Альтамеду» уже в сумерках, когда вся знать Новой Москвы потихонечку начинала туда стекаться. Залуцкие из первой двадцатки родов, они давали Стасу много денег, он мог практически ни в чем себе не отказывать, но «Альтамеда» — это другой уровень.